

ИГОРЬ
КАШИН

ЧУГИНОКОЛЬ

стихи

ВЛАДИМИР 2000

Об авторе

Игорь Кашин родился в 1961 году в г. Кольчугине Владимирской области. Окончил техникум по обработке цветных металлов. Работал на заводе. В настоящее время журналист газеты «Голос кольчугинца». Стихи И. Кашина публиковались в коллективных сборниках «Проба» (1992 г.), «Общая тетрадь» (1996 г.), а также во владимирской периодике. «Чугоноколь» - первая книга автора.

* * *

Свой мир я создал
Назло богам.
Осыпал звезды
К твоим ногам.
Осыпал звезды
С ночных небес.
Кристалльно слезным
Был звездный блеск.
Смотри: я – призрак,
Одна душа
Да с ней огрызок
Карандаша,
Которым эти стихи пишу.
Тут мне не светит,
Я ухожу
Туда, где звезды
У ног твоих,
Где вместо прозы
Вот этот стих,
Где боль не гложет,
Где сны и явь –
Одно и то же,
Где ты и я.

* * *

Окунувшись во мрак и собою его омрачив
Еще больше, иду еле жив, инстинктивно глотая,
Этот горький холодный растекшийся кофе ночи.
Хоть бы снег его чуть подсластил, пудрой сахарной тая.
Им опившись, ночной небосвод располнел и обрюзг,
Накопил облаков – до земли отвисающих складок.
Я когда-нибудь, ночь, горьким кофе твоим отравлюсь.
Мой последний глоток будет так удивительно сладок.

ПИСЬМО

Скорее, почта,
Скорей спеши,
В конверте ключья
Моей души,
Сухие слезы
Любви моей,
Сквозь снег и грозы
Гони коней.
Скорее, почта,
Гони, не стой
И днем и ночью,
В мороз и зной.
Стрелой татарской
Лети, пробей
Дыру в пространстве,
Лишь бы скорей.
Пронзая время,
Сближай сердца
Через недели
И месяца.
Скорее, почта,
Скорей спеши,
В конверте ключья
Моей души...

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Довольно. В ушах мне мозоли натерли
Дешевейших истин слова.
Скорее ослабьте удавку на горле,
Возьмите мой гроб на дрова.
На мыслях-дрожжах замешалось круто
Ленивое тесто мозгов.
И сердце мое отпустили как будто
Ладони могучих тисков.
Я чувствую, как покидает меня сон,
Как кровь мои ткани живит,
Как мясо, едва не протухшее мясо,
Суставы мои шевелит.
И быть я хочу, где никто еще не был,
Где нет ни цепей, ни оков,
Где за горизонт льется синее небо,
Пенясь белизной облаков.
Пусть даже туда мне не вырваться сроду,
Я верю в красивую блажь.
И жадно глотаю, глотаю свободу –
Далекой планеты мираж.

* * *

На том, на этом свете ли
Зачтется нам в вину,
Что взяли мы в свидетели
Лишь ночь да тишину?
Грех, на любви замешанный,
Открыл дорогу в ад.
Окно не занавешено,
Снаружи – листопад.
И покраснел осенний лист.
Узревший налету,
Как мы с тобой осмелились
Переступить черту.

* * *

На землю и на небеса тень
Легла вечерняя, густая,
И солнце, загнанное за день,
Пену кровавую пуская,
В загоризонтной топи вязнет.
Кричу ему: «Куды полезло?!»
Но слух у солнца недоразвит.
Не докричатся. Бесполезно.

Явилась ночь, черна, как дьявол,
Наполнен «Западом» эфир,
Укрытый звездным одеялом
Спит беззащитный, слабый мир.
Бреду по улице в истоме,
Лунатиков контуженным,
Где, киловатты экономя,
Все фонари потушены.
Невыносимо одиноко,
Лишь, свет собою заслоня,
Ночное небо, будто оком,
Луной глазеет на меня.

РАССВЕТ

Осветилось небо, растворив
Ночи лунно-звездное убранство,
И, отдиктатуривав, отцарив,
Ночь освобождает дню пространство.

Утра пробивается росток,
Ловит солнце горизонта бредень,
И восток, проснувшийся восток,
Показал свой петушинный гребень.

* * *

Я красок изыскался,
Но сер был мираж дня.
Когда ж поистрепался
Он нервами дождя,
Когда (как в скучной драме
Где ярк и могуч
Финал) был дран ветрами,
Дран в клочья траур туч,
Цвета до боли рьяны
Переплелись венком,
Но солнце – валерьяны
Таблетку – языком
Закат слизал... Короче,
Какая-то мура
Выходит. Дело к ночи.
Мне баиньки пора.

ЛЕНЬ

Беда со мной, лентяем и опойкой,
Не то, чтобы окляк, - лень просто мне.
Лень муху успокоить мухобойкой,
Клопа размазать лень по простыне...
Лежу горизонтален и статичен,
Ощупываю зреньем потолок,
Давно я сам себе не симпатичен,
Давно б себя в могилу уволок,
Кабы не лень. Лень шелохнуться даже,
Баклуши бить и то не вмоготу.
Господь меня, естественно, накажет
За нелюбовь такую к физтруду.

КОМПЛИМЕНТ

Ваш анфас и профиль без изъяна.
Вы – почти мамзель а-ля Франсе.
Никакая с вами обезьяна
Не сравнится, даже шимпанзе.

Февраль. А мне плевать, я не заплачу,
Не стану даже доставать чернил,
И сколько б я ни пил – ни чифирил,
По-пастерначьи не запастерначу.
Не выйдет стих без всяческого брака,
Где всяческой поэзии лишка.
Взять пастерначий тон – тонка кишка,
Не вытянуть ни в жисть под Пастернака.
Куда уж там, сумеь бы под себя хоть!
К стихам меня не тянет, не манит,
Когда весною черною горит
Черт знает чем грохочущая слякоть.
Ленив мой мозг – бездарнейшая мякоть, -
Нельзя расшевелить его никак,
И будь я хоть маленько Пастернак,
Уж я б сумел достать чернил и плакать.

Уже не вострится по лезвию
На всякое горлышко певчее.
Поздравим родную Поэзию:
Дышать стало явно полегче ей.
На ладан. В покое оставлена.
Как весело ей, умирающей!
Не надо товарища Сталина
Бояться и прочих товарищей.
Ранимая, неукротимая –
Всей жизнью кошмарной и светлою
Она заслужила, родимая,
Смерть тихую и незаметную.
Престиж и особый шарм есть в ином
Исходе, к примеру, - на дыбе. Но
Не много ли чести? Естественно
Доходит она и обыденно.
К чему гоношиться? Болезнь сия
Лишь Богу подвластна, а Бога нет.
Весь вышел он, как и Поэзия.
Ну, хватит! Кого это трогает?
Какой с нее прок-то? Какая корысть?
Ни плача, ни всхлипа по ней с Земли.
По ней – улетающей в звездную высь
С Земли – недостойной Поэзии.

* * *

Тут аплодисменты излишни
Хлопка многовато и то.
Мгновенно подводит Всевышний
Им созданной жизни итог.

Все кончится сразу, на то и
Взведен этот жуткий капкан.
И небо с землей – две ладони...
Никто не услышит хлопка.

* * *

Зима на небе. Не освободиться
Ему от голубого льда оков.
И солнце, как озябшая жар-птица,
Забилось под сугробы облаков.

Не по сезону оперенье в злате.
От стужи солнце тронется с ума
И к вечеру в пылающем закате
Сожжет себя. На небесах зима.

* * *

Когда перемешали океаны
В моем стакане горечь своих вод,
Я, проломив слоеные туманы,
Разбился о ночной небесный свод.
И сразу же моих безумных грез дым
На Млечный путь название поменял,
И взяли имя сказочное «звезды»
Мои осколки, дребезги меня.

* * *

Как верный вассал твой, готов платить дань я,
Готов войти в рабскую свиту твою,
Нужны мне лучи твоего обаянья,
Я их поглощаю и впитываю.
Выводится вывод, печален и мрачен,
От светлых иллюзий нет даже следа.
Увы, не зеркален я и не прозрачен,
Такая уж, как говорится, среда.
Кем быть – все равно мне: средой, четвергом ли...
Жаль только, лучами твоими не полн.
Наполни меня. Излучатель, наполни!
Я чувствую поле твоих биоволн.

ПРИМИ МОЙ СТИХ

Мой организм коснулся высшей точки,
Твой образ восхитительный любя.
Прими мой стих на в клеточку листочке,
Храни его поближе от себя.

Нам вместе быть не брезжит перспектива,
Но я уж не могу к тебе не лезть.
Хоть я пишу с ошибками и криво,
Прими мой стих таким, какой он есть.

Перед тобой я преклоняюсь низко,
Едва башкою об пол не стучу.
А ты мне, как пощечину: «Катись-ка...»
И: «Обратись, придурок, ко врачу».

Конечно, я обидеться бы мог, но
Решил, что ты все это сгоряча.
Имей в виду, твоей квартиры окна
Давным-давно уж просят кирпича.

Шучу я. Не пугайся. В общем, квиты.
Ну, хоть надежды зернышки посея,
Мой стих приняв. Не мни его, не рви ты.
Читай раз в день, а лучше раз по семь.

Прими мой стих, пока еще не поздно.
Ниц пред тобой паду на тротуар.
Ты лыбиться-то брось, ведь я серьезно.
Серьезен я и мой репертуар.

Тебе подобных вряд ли обнаружу.
В тебя уперся моей жизни путь.
Прими мой стих вовнутрь или наружу.
Пожалуйста, прими куда-нибудь.

КАЧАЛКЕ

(по мотивам поэзы Игоря Северянина
«Качалка грезерки»)

В упоенье дешевом,
В гамаке камышовом
Предаваться вам грезам – ну какой интерес?
В пресловутой поэзе
Ни словца о железе?
От такого качанья не качается пресс.

Не качается бицепс,
А тем более трицепс,
Я молчу уж про бедра и голеностоп,
Ведь прикинувшись дурой,
Не следит за фигурой
Властелинша планеты
Голубых антилоп.

Вы же – дело другое.
Не дает вам покоя
Мускулистость могучих перекаченных тел.
Не приемлют культ штанги
Лишь отпетые «шланги»:
Интеллектом не блещет мозговой их отдел.

Даже мой, например, ум
Не настроен на феррум,
Но я, встреч с Вами ради, округляю рельеф.
Мои чувства высоки!
Пью компоты и соки
Вместо водки, совсем уж от любви охренев.

Плетью строчек по нервам
Не хлестнет ни Бодлер Вам,
Ни Верлен, ни Шекспир, ни Макаревич, ни Цой.
Внемля им, лишь устанешь
А мощнее не станешь
И не сможешь похвастать необъятной мышцей.

Мне изысканность слога
Не досталась от Бога.
На башку мою лавры вряд ли будут свиты.
И с какой бы я стати
Стал бумагу марати,
Кабы не были Вы столь безупречно святы?

Вы ж – как фея из сказки,
Видеть Вас – это таски,
В королевстве железа – Вы принцесса принцесс!
В тяжелой мускульной качке,
Жил и прочего рвачке
Вы нашли свой капризный, но бессмертный
эксцесс!

ВМЕСТО ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Я посвящал вам жалкие стихи,
Потенциал которых иллюзорен,
В которых воз словесной шелухи
Скрывает горсть рациональных зерен.
Поэзии там – разве что азы.
Для духа там – ни радости, ни пищи.
В халтуру эту я бы Вам пузы-
рить больше не советовал глазищи.
Мой разум хил, талантишко бескрыл.
Себя мне презирать причины вески,
Ведь образ Ваш я так и не раскрыл
Во всем его величии и блеске.
Стыд душу оккупирует мою,
И жизненного краха ощущение
Возникло. О прощенье не молю,
Не заслужил я Вашего прощенья.
Так пусть грызет, пусть жрет меня позор.
Приму я, как возмездье, эти зубы,
Поскольку не сплетен еще узор,
Который оказался Вам к лицу бы.
Проблема не была бы столь остра,
Когда б не день рожденья Ваш. Уж вот он!
А мне на то, чтоб в рифму Вас поздра-
вить, Богом не вручен доверья вотум.
А коль не в рифму? Нет уж! К Вашей две-
ри легкий путь не для меня протоптан.
Жизнь, где есть Вы, я не отдам за две
Без Вас и даже за сто жизней оптом
И в розницу. Хотя соблазн велик.
Вы боль моя и Вы же – наслажденье!
Да не нахмурит Ваш священный лик
Мое непоздравленье с днем рожденья.

Мир уподобив миражу,
В нем явью прорасту.
Я взглядом по небу вожу,
Как кистью по холсту.
Сгущает краски мне тоска.
Ни ночь, ни жизнь сносить
Нет сил. Достаточно мазка,
Чтоб месяц погасить.
На звезды ж никаких мазков
Не хватит. И плевать.
Хватило б только бы мозгов
Себя не убивать.
А то проснешься поутру
И, вспомнив этот бред,
Вниманье уделишь нутру,
А там души-то нет!
Меж ней и телом рознь за грань
Реальности манит,
Где смерть протягивает длань
С конспектами молитв.
Вот свет забрезжил. Свет иной,
В котором плыть и плыть.
Видать, момент упущен мной
Души умерить прыть.
Покоя вектор не ориентируют к душе.
Брезгливый поцелуй зари
Коснулся лба уже.

Вскрыв комнаты удушливую тару,
Вкушаю неба сумасшедший риск:
То облаков возьмусь гонять отару,
То звездами швыряюсь в лунный диск.

Последствиями тяжкими чревато
Все это. В ожиданье палача
Порой благого достигаю мата,
Молитвы и раскаянья крича.

Реакции же – ноль. Как будто спячке
Всевышний и команда предались.
И вот уж хоть день ночью перепачкай,
Хоть в солнце рогом месяца упрись.

* * *

Не супермен я был и не герой,
А вышедший, как все мы, из народа.
Меня зажалил насмерть звездный рой
За кражу лунатического меда.

Спротивляться рою я не смел,
Точнее смел, но как-то слишком вяло.
Еще точнее, просто не успел
С добычею нырнуть под одеяло.

И были звезды, чувствую, правы
В своем поступке (пусть и негуманном).
Довольно прыгать выше головы
И мнить себя изысканным гурманом.

ЧУДО

Из церкви вылезли попы,
Народ из зданий прочих,
Велико чудо зреть дабы.
И не прогонишь прочь их.

Весь местный люд уперся ввысь
И зрением, и слухом.
Менты ему кричали: «Брысь!»,
А он не вел и ухом.

Ни мат, ни семечковый лузг
Не слышался средь люда,
Поскольку с верхотуры спуск
Осуществляло чудо.

Священной, чем родная мать,
И актуальней хлеба
Спускалась Божья Благодать
На парашюте неба.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ

По заграницам всяческим шагая,
Я по России исхожу тоскою.
Любимая сторонюшка родная,
Ты мне милей Баварии с Гасконью!
С тобою не сравнится ни Варшава,
Ни Копенгаген, ни Берлин, ни Осло.
Чего бы я там ихнего ни шамал,
Тошнотно опосля мне и поносно.
Я пиво пил и в Мюнхене, и в Праге,
Но не лежит душа к такому пиву.
Мне б нашего пивка, а лучше браги.
Ну а как вспомню по-над речкой иву,
Берез кудрявость, дух цветущих вишен,
Так сердце защежит и прочий ливер.
Я б жить хотел и умереть в Париже,
Когда б не знал такой земли: Владимир!

КО ДНЮ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Пощади, не хорони,
Встану на колени я,
Защити и охрани,
Здравоохранение!

От лица народных масс
Я рифмую оду.
От болезней, от зараз
Нет житья народу.

Нет житья, хоть волком вой.
Гомо – не скотина!
На фиг гоме геморрой,
Грипп, понос, ангина?!

Доктор, времени не трать,
Что-то делай с нами,
Мы готовы целовать
Твой халат, как знамя.

Если мало дня – в ночи,
В стужу, в зной и в ливни
Вы лечите нас, врачи,
Да поинтенсивней.

И не расслабляйтесь впредь
Даже ни на йоту.
Вам лечить, а нам болеть,
Каждому свое тут.

Меня посещает шиза
Раз 100-114 в год.
То выскочит прямо из-за,
То вылезет криво из-под.

То в чай мне насыплет тоски,
То плюхнет депрессии в щи,
А после забьется в мозги,
Ищи ее, падлу, свищи.

Мне легкие давят на грудь,
И сердце стучится в бока.
Мне к звездам уже не вспорхнуть
И не заползти в облака.

Мой рок так похож на судьбу.
Судьба моя – вылитый рок.
Устал я бросаться в борьбу,
Замучился жать на курок.

Шиза, если катит волной, -
Защитные тщетны средства,
И нет на планете земной
Смиренней меня существа.

В бой медные трубы зовут,
И знамя чарует с древка
Лишь тех, кто слегка шизанут,
А я далеко не слегка.

Весь шизофреничен насквозь,
Не дергаюсь и не ору,
Когда, как древесную лось,
Шиза гложет мозга кору.

ЧУГИНОКОЛЬ

Чугиноколь, Чугиноколь,
Не надейся на отбой.
Под дых ли, в чело ли, в око ль
Еще врежут нам с тобой.

Мы с тобою друг без дружки –
Что без клена лист резной.
Я, как из России Пушкин,
Из тебя не выездной.

Чугиноколь, Чугиноколь,
Беспросветный городок.
В звоне лиры одинокой
Гибнет мой корявый слог.

Если в горе я не буду,
Значит, буду я в беде.
Чугинокольцы повсюду
В окружающей среде.

Чугиноколец и я сам.
Дам портрет свой парой строк:
Рожа с кожей, кости с мясом,
Нервы спутаны в комок.

Чугиноколь, Чугиноколь,
Приставуч ты, как репей.
В будни лопаешь вино коль, -
В выходные водку пей.

Водку пью я охлажденной,
Песни спяну не ору.
В Чугиноколе рожденный,
В Чугиноколе помру.

* * *

Я почитал Вас как кинозвезду,
Я называл вас радугой-дугою.
Когда я Вам поглаживал плечо,
Вы за нос меня дергали. С другою

Я мог неоднократно б, но терпел.
Очередной отказывая крале,
Не лез я в мыслях даже за предел
Своей благовоспитанной морали.

Но, заскочив однажды в гранд-отель,
Наивный, неприученный к изменам,
Я вдруг засек, как пили Вы коктейль
С каким-то заурядным бизнесменом.

Вы даже не заметили меня,
Базаря о Марселе и о Прусте,
И ползала чужая пятерня
На Вашем крупногабаритном бюсте.

Метнув перчатку наглецу в мурло,
Я заявил Вам как бы между делом:
«Мадам! Мое к Вам чувство умерло!
Я расхотел Вас и душой и телом!»

Вы бросили себя к моим ногам,
Моля о снисхожденье, о прощенье...
А бизнесмен погладил свой наган
И процедил: «Стреляемся в ущелье».

И вот дуэль. Дуэль, скала и шторм.
Скала и шторм. Скала, и плащ, и шляпа.
Ревел сирен неутомимый хор,
Развратные их рты просили кляпа

А божий свет то вспыхивал, то мерк.
Зловещий ветер рвал с меня фуражку.
Мой выстрел в дрожь ньюрашена поверг,
А он меня смертельно ранил в ляжку.

Мадам! Подите прочь! Отцвел-увял
Ваш образ для меня! И зря на «Вольве»
Вы прикатили: во врага пулял
Не вашей чести ради мой револьвер.

Да и смешно бы было Вашу честь
Мне принимать за чистую монету.
И смерть моя – не просто смерть, а месть
Вам за неуважение к поэту.

Я вас любил сильнее себя в сто раз,
Но наши разошлись пути-дорожки.
Подите прочь! Довольно пошлых фраз!
Я умираю и хочу морошки!

Мыслю я, да не соображаю.
Мне рассудок внушает: «Не лезь!» –
А я рыться в себе продолжаю,
Сам собой перекопанный весь.

Мир свой внутренний с внешним мешаю,
Где сливаю в одно «там» и «здесь»,
И в ту невыносимую смесь
Беспощадно себя погружаю.

Может, это все надо кому?
Странно, если лишь мне одному,
Потому что мне больше не надо.
Ноем болью дрожь каждой струны,
Ощувив, что дух грешной страны
Погребен под дыханием Ада.

* * *

Достать могу до дна я
Депрессии душой.
Страна моя родная
Становится чужой.

Бурлит, бурлит повсюду
Мутации процесс.
А бедному бы люду –
Сочувствия с небес.

Уж помощи не надо,
Сочувствия бы хоть.
Но повернулся задом
К Отечеству Господь

* * *

Отыскать духовное родство ли
Напрочь разучившемуся жить?
Телевизор выглядит, как ствол, и
Целится башку мне разmozжить,
Чтоб в людские не проник мирки я,
Бред свой безответственно соря.
У небес и то уж аллергия
На меня, по прозвищу Заря.

* * *

Встают кошмары снов стеной,
Реальный ужас пряча.
Дожить до смерти собственной
Мне задана задача.

Ее условие – судьбы
Невзгоды и лишения.
Поглубже проникнуть мне в суть бы
Для скорого решения.

Она костлява и доска доскою,
Но без нее я больше не могу.
Охваченный и скованный тоскою
Едва существованье волоку.

Испытываю трепетную зависть
К счастливым, с нею слившимся навек.
Она – источник иступленных нег,
И ужас перед ней – ее краса есть.

Язык лишь шевельнется и уста,
И рассекает, как удар хлыста,
Пространственную эту круговерть
Желанное, святое имя: *Смерть*.

* * *

Свершить к ларьку очередную ходку
Не так уж сложно при наличьи ног.
На пару с одиночеством пью водку,
А значит, я уже не одинок.

Стоит диван в обнимку с шифоньером,
А шторы, полки, лампочки висят.
Приученному к вежливым манерам
Грех не плеснуть им грамм по пятьдесят.

Я окружен толпою, даже тесно,
Но в одиночку бегаю в ларек:
Ведь не пошлешь за водкой, скажем, кресло,
Серванту не доверишь кошелек.

* * *

Когда в мозгах мыслительный врублю ток,
Стремя последний к стихотворной форме,
Мне сразу мнится, что я не ублюдок,
Что приближаюсь к полноценной норме.

Когда души прекрасные порывы
Отчизне горемычной посвящаю,
Ни полоумным я, ни тупорылым
Себя, мой друг, почти не ощущаю.

Во мне избыток всевозможной дури,
Но слабовато чувствую его я,
Когда душа мятежно просит бури,
Как будто в бури есть покой и воля.

Душе моей ну до того погано,
Что брэнной плотью уж не дорожу.
Я в эту плоть пальнул бы из нагана,
Да при себе оружья не держу.

Куда ни сунься – чуждая планета
С тысячелетьем чуждым на дворе.
Я б застрелил себя из пистолета,
Когда б его нащупал в кобуре.

Да где нащупать, коль и кобуры нет?
Я сроду без кобур существовал.
Души своей задерживая вылет,
Никак себя не шлепну наповал.

К самоубийству нет во мне призванья.
К дружку пойду: там водка и видак.
До досвиданья друг мой досвиданья
Еще осталось время, коли так.

Ни при деньгах, ни при имуществе, но
Не клянчу благ земных у Бога я,
Ведь жизнь моя, она, убогая
Не сплошняком, а преимущественно.
Пусть редко, но бывают случаи –
Блаженство так и катит лавою,
В голубизну ныряю, в тучи ли –
И по небу беспечно плаваю.
Нет, не летаю, не планирую
(Хоть и могу, но игнорирую),
Люблю небесное купание,
А птицы – не моя компания.
И самолеты с вертолетами
Не соблазнят меня полетами.
Я не ищу себе товарищей
У этой братии летающей.
Не то, чтоб я на ту ораву злющий,
Но не пристало мне и каяться,
Что не хочу, как полагается,
Летать, поскольку – небоплавающий!
Готов потратить все тепло души
Я на купанье это праздное,
Пока в убожестве не по уши
Погрязла жизнь – она прекрасная.

СЛОВО К СПОНСОРУ

(по заказу кольчугинского Народного театра)

Всегда дружили капитал со сценой.
Дружили так, что не разлить водой.
Где ж ты теперь, наш спонсор драгоценный!
Откликнись, меценат наш дорогой!

Не поддавайся жадности и злости,
Пусть не трясет тебя, как в столбняке,
Когда всей труппой явимся мы в гости,
Чтоб дать спектакль в твоём особняке.

Любому ближе собственная шкура,
Но праздно наблюдать - себе во вред –
Как наша погибается культура,
Пора помочь ей выпрямить хребет.

Изнемогает наш театр народный,
Устал он нравов сдерживать падеж.
Актер у нас, не то чтобы голодный,
Но сытым тоже ведь не назовешь.

За резкость тона, спонсор, уж прости ты.
Однако должен быть всему предел,
Ведь режиссер наш, добрый и маститый,
Не от хорошей жизни похудел.

Поскольку финансируют нас плохо,
Нам впредь играть одних лишь босяков:
Весь реквизит – времен царя Гороха,
Дверных и то не стало косяков.

Не по карману нам бруски и доски,
И сиротливо как-то на душе.
Затихнет гул, выходишь на подмостки,
А прислониться не к чему уже.

Реальный спонсор и потенциальный,
Без вас мы вместе с музами грустим.
И помощи мы ждем материальной,
Которую моральной возместим.

Рубль скорешим с комедией и драмой,
Эксперименты эти не новы.
Товаров ваших красочной рекламой
Обвешаемся с ног до головы.

Знай, спонсор, мы не ждем небесной манны.
Не для того мы напрягаем слог,
Чтоб оттопырить личные карманы
Под щедрый твой финансовый поток.

Так что не жмись. А то себе дороже
Над золотом чахнуть, Аполлона зля.
Не станет нас – тебя не станет тоже.
Конец всему искусству опосля.

Я тяну на высший класс.
Все крепчает тяга.
Ввысь стремится мой Пегас,
С крыльями коняга.
Эффективность у нутра
Моего громадна:
Что ни строчка, то мудра,
Что ни стих, то складно!
Стаи рифм снуют в мозгу
И метафор рати,
Покорить могу Москву
Читкой на Арбате.
Мой талант уже косить
Стал под гениальность,
Запало ему сносить
Грубую реальность.
Сердце, не блажи, учти:
Твой заколебал стук.
Ведь Есенин я, почти, -
У меня есть галстук.
Как поэзовиртуоз
Я довольно редок
И работать на износ
Опасаюсь. Эдак
Можно нанести урон
Всей литературе.
Короля поэтов трон
Кто займет, в натуре,
Ежели погибнет вдруг,
Сгинет в одночасье
Парадоксов лучший друг,
Муз любовь и счастье?!

Гулял я как-то. Шлялся по асфальту.
Шум городской, как соловьеву трель,
Воспринимал и был подобен скальду,
Что в переводе значит: менестрель.

Себя я демонстрировал народу,
И если бы спросил кто тет-а-тет:
«Какого, друг, мол, племени ты, роду?»
Я честно бы признался, мол – поэт.

Но никому я не был интересен.
И на фиг никому не нужен был.
Весь мир вокруг был суетлив и пресен,
Он растерял свой колорит и пыл.

Но я не предъявлял претензий к миру.
Я вел себя, как скромный элемент,
Не для того покинувший квартиру,
Чтоб схлопотать в свой адрес комплимент.

И не держа обиды на Державу,
И наплевав на славу и почет,
Завел, домой вернувшись, Окуджаву,
Где Моцарта с Отечеством насчет.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Я солнце краснеющим вижу в зените.
При чем тут восход? Стопроцентный зенит!
Кто понял, так вы уж меня извините,
Но как-то не так наша лира звенит.

При чем тут закат?! Пусть процесс – не лазури
Струя, но течет, и (как сажа бела)
Несет меня речка туда, где в ажуре
У солнцепоклонников наших дела.

А нас ведь не сотня и даже не тыща –
Миллионы творцов вытворяют что хошь.
А солнцу за нас ну такая стыдища!
То пятнами солнце, то красное сплошь.

1999

« К О С М О С »

(Кольчугинская секта молодых стихотворцев)

Рукопись, найденная в почтовом ящике

АЛЬБИНА ЛИАНОВА

* * *

Общаги крыша прохудилась заново,
И капает со звоном в таз вода.
Не хочется ни этого, ни самого, -
Тоскливо мне и мерзко, господа.

Предстать теперь я в качестве хочу ином,
Устав лелеять светлую мечту.
Быть поглощенной городом Кольчугином
Я всем сюрпризам жизни предпочту.

Не нравлюсь, как добыча, может, чем ему?
Но я давно от страха не дрожу,
Когда брожу по городу вечернему
И по ночному городу брожу.

А рядом – время грязное и нервное,
И мне противно заводить с ним флирт.
Когда-нибудь в кого-нибудь, наверное,
Переброжу я, как глюкоза в спирт.

* * *

Все так получилось нелепо,
Как вспомню – по коже мороз.
Карабкалось солнце на небо,
Карабкалось и сорвалось.

Упала в юдоль горизонта
Пожароопасная вещь.
Мой сон это. Только мой сон-то
Чем хуже, тем более вещь.

ДЖУЛЬЕТТА ФРЕНЧ

* * *

Отравлена душа любовным ядом,
И тело выгибается дугой.
Как хорошо, что ты со мною рядом!
Как хорошо, что ты, а не другой!

Какие мышцы у тебя стальные,
Как поцелуи страстны и влажны!..
С тобою не нужны мне остальные!
А без тебя становятся нужны.

* * *

Сияет люстра ярко,
Блестит паркет полов.
Была бы я дояркой,
Доила бы коров.

В салат я ткнулась вилкой,
А за окном – метель.
Была бы я училкой,
Учила бы детей.

Минутка за минуткой,
Вот и хана деньку.
Была бы проституткой,
Давала б за деньгу.

Но я лишь поэтесса,
А с этого навар
Не густ, поскольку пресса
Скупа на гонорар.

* * *

Я встретила его на дискотеке,
Он прыгал, как козел, до потолка.
В моей же персональной картотеке
Сей экземпляр не числился пока.

И я сказала: «Слушайте, повеса.
Не знаю, как Вас звать и сколько лет.
Но знаю, что одна тут поэтесса
Страдает без любви и сигарет».

И вот мы отошли с ним к туалету,
Кругом народу, что капуста в щак.
А мы – за сигаретой сигарету,
Базаря о возвышенных вещах.

И к выходу из замкнутого круга
Уже стремилась жизни полоса,
Как вдруг возникала жуткая подруга
И мне вцепилась, сука, в волоса.

Ой, сколько было визга, сколько ора!..
Едва нас растащили с ней менты.
Того козла, я помню, звали Жора.
Ах, Жора, Жора – не Ромео ты.

АНТОН МЕДУЗОВ

* * *

Лег на меня твой восхищенный взор пластом,
Его теперь ничем уж не отвлечь.
Я строчками стихов своих, как хворостом,
Нежнейших чувств раскопегарил печь.

Тепла мне дай. Тепла, а не жары, хочу.
Не принимай Бавлены за Париж.
Ведь я тебя из пламени не выхвачу,
Коль ты к любви, как к солнцу, воспаришь.

Я за любовь, но не за оголтелую,
Не пожелал такую б и врагу.
Как горько мне, что все это я делаю,
Однако и не делать не могу.

Не ты одна судьбою мне обещана.
Не одному мне плоть твоя и стать.
Едва заметна между нами трещина,
Но пропастью она грозитя стать.

Конечно, можно бы, да только надо ли?
Не верю я, что наша даль светла.
В саду моем уж яблоки попадали,
А в огороде вызрела свекла.

* * *

Взглянул я на небо, яйцо колупая,
Под нос напевая эстрады хиты,
А небо искусано. Кровь голубая
Сочится сквозь звезды – укусов следы.

Последствия столь хулиганского акта
Пытаются тщетно прикрыть облака...
Мне сразу и есть расхотелось как-то,
И в горле застряла из песни строка.

Я против кусаний подобного рода!
Мне слез не сдержать, щекоти меня хоть,
Когда сердобольные трубы завода
Бинтуют дымами небесную плоть.

Который месяц не дают зарплату.
Пугает катастрофой ход реформ.
И добывать все тяжелее корм,
Чтобы калорий возместить утрату.

Зато возможность есть теперь у нас
Чуть разгрузить костей своих каркасы.
А то страдает от излишков массы
Значительный процент народных масс.

Идет всем людям, даже самым нищим,
На пользу воздержание от пищи,
И я, как человеческий индивид,
Подвергнув обузданью аппетит,
Закатываю вспять свои губищи.

* * *

Вот памятник с лицом мрачнее вымени,
А рядом мощный некогда завод,
Который того памятника имени,
И где упорно трудится народ.

Всю жизнь и нам, любимая, горбатиться.
А кто мы есть, коль не народа часть?
По мелочам нет интереса тратиться,
По крупному возможности нет красть.

Хоть я по духу из интеллигенции,
По плоти я из класса работяг.
Полезна водка для моей потенции,
А не клопами пахнувший коньяк.

Сегодня чуть шевелятся уста твои,
И мне с похмелья тоже нелегко, -
Но как всегда мы встретились у статуи,
У статуи товарища Серго.

ВАЛЕРЬЯН НАХЛЕБНИКОВ

* * *

Перетекает голод в пир,
А холод лишь предтеча зноя.
Уже и доброе, как злое,
И каждый донор, как вампир.

Что это там? Звучанье лир
Иль, как обычно, наносное?
Не разберу я, где мясное
В духовной пище, где гарнир.

Когда чутье теряет мой
Эстетством вскормленный рецептор,
Тащу талант свой, как прицеп, тор-
мозя о рифмы головой,
Реальности задавши вектор –
Посыл на орган половой.

* * *

Здесь все в прошлом. И даже закат.
Настоящему не климатит.
Суррогат, лишь один суррогат
И растет, и цветет, и плодит.

Мир искусственный этот (сколь жив,
Столь и мертв он) душевный покой
Не принес мне, поскольку фальшив.
А я только частично такой.

Но я сам себе выбрал полон.
Мой игрушечный пыл и не гас.
Полюбуйся, эрзац-Аполлон,
Как несет меня псевдоПегас.

8 МАРТА В КОЛЬЧУГИНЕ

Родной среды внушительный процент
Восьмого марта не стремится к дреме:
Возбуждены и Ленинский и «Центр»,
Не говоря уж об «аэродроме».

От счастья «крышу сносит набекрень»,
И я блаженству собственному внемлю,
Когда Международный женский день
Ступает на Кольчугинскую землю.

Когда все те, чей кошелек не тощ,
Проводят поиск по торговым точкам,
Чтоб угодить подругам, мамам, дочкам,
Задобрить чтоб любимых жен и тещ!

И рамки стихотворные тесны,
Чтоб втиснуть в низ азарт и вдохновенье,
С каким встречает день восьмой весны
Мужская половина населения!

Сей день в инфраструктуре городской –
Есть праздник, не подверженный проколам!
Восьмого марта местный пол мужской
Распластан ниц пред местным женским полом.

СОДЕРЖАНИЕ

«Свой мир я создал...»	3
«Окунувшись во мрак и собою его омрачив...»	4
Письмо	5
Воскресенье	6
«На том, на этом свете ли...»	7
«На землю и на небеса тень...»	8
«Явилась ночь, черна, как дьявол...»	9
Рассвет	10
«Я красок изыскался...»	11
Лень	12
Комплимент	13
«Февраль. А мне плевать, я не заплачу...»	14
«Уже не вострится по лезвию...»	15
«Тут аплодисменты излишни...»	16
«Зима на небе. Не освободиться...»	17
«Когда перемешали океаны...»	18
«Как верный вассал твой...»	19
Прими мой стих	20
Качалке	22
Вместо поздравленья	24
«Мир уподобив миру...»	25
«Вскрыв комнаты удушливую тару...»	26
«Не супермен я был и не герой...»	27
Чудо	28
Патриотическое	29
Ко дню медицинского работника	30
«Меня посещает шиза...»	31
Чугиноколь	33
«Я почитал Вас как кинозвезду...»	35
«Мыслью я, да не соображаю...»	37
«Достать могу до дна я...»	38
«Отыскать духовное родство ли...»	39
«Встают кошмары снов стеной...»	40
«Она костлява и доска доскою...»	41
«Свершить к ларьку очередную ходку...»	42
«Когда в мозгах мыслительный врублю ток...»	43

«Душе моей ну до того погано...».....	44
«Ни при деньгах, ни при имуществе, но...»	45
Слово к спонсору	46
«Я тяну на высший класс...»	48
«Гулял я как-то. Шлялся по асфальту...»	49
Юбилейное	50
« К О С М О С » (рукопись, найденная в почтовом ящике)	
АЛЬБИНА ЛИАНОВА	
«Общаги крыша прохудилась заново...»	51
«Все так получилось нелепо...»	52
ДЖУЛЬЕТТА ФРЕНЧ	
«Отравлена душа любовным ядом...»	53
«Сияет люстра ярко...»	54
«Я встретила его на дискотеке...»	55
АНТОН МЕДУЗОВ	
«Лег на меня твой восхищенный взор пластом...»	56
«Взглянул я на небо, яйцо колулая...»	57
«Который месяц не дают зарплату...»	58
«Вот памятник с лицом мрачнее вымени...»	59
ВАЛЕРЬЯН НАХЛЕБНИКОВ	
«Перетекает голод в пир...»	60
«Здесь все в прошлом. И даже закат...»	61
«8 марта в Кольчугине»	62